

М. И. Толубѣев

309

ЗАПИСКИ

НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБѢВА

(1780—1809).

Рукопись изъ собранія Андрея Александровича Титова.

Изданіе редакціи историческаго журнала

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Библиотека
А. И. ТЮМЕНЕВА

№ 6580
9(47):9(10)-17/32

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

1889.

DK169
. x 76

Екзотеріановій кан., д. 78.
№ 2858.

Въ 1887 году Андрей Александровичъ Титовъ, извѣстный любитель отечественной старины и знатокъ отечественной исторіи, сообщилъ намъ изъ обширнаго собранія своихъ рукописей Записки Никиты Ивановича Толубѣева, для помѣщенія ихъ въ „Русской Старинѣ“¹⁾. Опасеніе, что сообщенная намъ рукопись, въ виду обширности нашего архива и множества въ немъ имѣющихся записокъ и матеріаловъ, довольно долго пролежитъ въ немъ, ожидая времени появленія на страницахъ нашего изданія, заставило насъ предложить почтенному нашему сотруднику издать помянутыя записки отдѣльною книгою.

А. А. Титовъ съ удовольствіемъ на то согласился—и вотъ Записки Толубѣева явились отдѣльнымъ выпускомъ.

Никита Ивановичъ Толубѣевъ, потомокъ старинной русской дворянской фамиліи, небогатый помѣщикъ Орловской губерніи и уѣзда, сынъ „бѣднаго, но высокой честиности дворянина“, родился

¹⁾ Рукопись куплена на толкучкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на ярмаркѣ въ 1886 году. Это тетрадь мелкаго письма съ помарками и переправками, въ листъ, на 84 листахъ. Начинаются записки припискою другой руки: „Пріятель мой Н. Н. Т. оставилъ мнѣ свои записки о слѣдующемъ“... далѣе текстъ Записокъ.

А. Т.

¹⁾ Андрей Александровичъ Титовъ — состоитъ членомъ-сотрудникомъ археограф. комиссіи и дѣйств. членомъ императорскихъ обществъ московскаго археологическаго, русскаго; московскаго и одесскаго обществъ исторіи и древностей россійскихъ; онъ одинъ изъ основателей ростовскаго музея церковныхъ древностей и ревностныхъ дѣятелей къ упроченію и развитію этого превосходнаго музея. Въ III-мъ выпускѣ „Охраннаго каталога собранія рукописей А. А. Титова“ можно видѣть длинный списокъ изданныхъ имъ трудовъ въ области исторіи, археологіи и этнографіи—преимущественно ярославскаго и ростовскаго края.

М. С.

не позже 1780 года и написалъ, представляемую нынѣ въ печати, рукопись своихъ записокъ не ранѣе, какъ въ концѣ 1830 годовъ. Какъ можно видѣть изъ этихъ записокъ, онѣ составлены авторомъ исключительно для себя и для своихъ близкихъ, при чемъ писаны съ полною искренностью, безъ малѣйшихъ прикрасъ и увлеченій, писаны на досугъ, послѣ тревожно проведенной жизни военно-служаго человека.

Предки Толубѣва были военные люди; родной братъ его палъ въ бою на Кавказѣ, другой братъ былъ жестоко израненъ тамъ-же, самъ Никита Ивановичъ былъ участникомъ кровавой войны 1805—1807 годовъ съ французами и похода 1809 года въ Австрію. Въ кампаніи 1807 г., въ бою съ французами подъ Гельсбергомъ, Никита Ивановичъ потерялъ двухъ лошадей, смертельно подъ нимъ раненыхъ, и самъ былъ контуженъ. Женившись около 1808 года, онъ вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ; затѣмъ участвовалъ въ формированіи ополченія и служилъ два трехъ-лѣтія засѣдателемъ въ Совѣстномъ судѣ, кажется въ Нижегородской губерніи, гдѣ у него за женой было маленькое имѣніе. Затѣмъ служилъ, засѣдателемъ же, въ гражданской палатѣ. Семью онъ имѣлъ большую, семеро дѣтей, потерялъ жену; средства къ жизни были самыя ничтожныя. Жизнь вообще довелась ему весьма и весьма тяжелая. Умеръ Никита Ивановичъ не ранѣе конца 1830 годовъ и не моложе 57 лѣтъ.

Записки Толубѣва не представляютъ ни живости и картинности изложенія, ни богатства содержанія, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ значеніе, какъ записки бытоописательныя русскаго народа и военнаго служаго люда конца XVIII-го и перваго десятилѣтія XIX-го столѣтій. Въ нихъ,—что рѣдко встрѣчается въ подобныхъ запискахъ русскихъ людей прошлаго вѣка,—читатель найдетъ довольно подробное описаніе крестьянскаго быта, его забавъ и увеселеній, предразсудковъ русскихъ людей и повѣрій. Затѣмъ авторъ, по прохожденіи маленькаго курса наукъ въ только что образовавшемся въ городѣ Орлѣ народномъ училищѣ, имѣлъ неудачный дебютъ канцелярской службы въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, послѣ чего поступилъ въ военную службу, въ кавалерійскій полкъ; отсюда начинается описаніе тогдашняго суроваго военнаго быта съ характеристикой шефовъ, полковниковъ, товарищей, типичныхъ представителей полка, унтеръ-офицеровъ и

нѣкоторыхъ солдатъ, отношеній военнаго люда къ помѣщикамъ, описаніе нѣкоторыхъ городовъ и такихъ вельможныхъ пановъ южной Россіи, каковы были: Судіенко, графиня Браницкая, графъ Разумовскій и другіе. Весь тонъ разсказа мѣстами отличается самымъ добродушнымъ юморомъ, а личность составителя записокъ все болѣе и болѣе вырисовывается въ весьма симпатичныхъ чертахъ. Предъ вами чисто русскій человѣкъ, тинъ добраго стараго времени, со всѣми хорошими его качествами: религіозный, смѣтливый, скоро сознавшій необходимость дополнить и довершить свое образованіе и уже въ офицерскомъ чинѣ продолжавшій таковое, въ высшей степени исполнительный по службѣ, любившій свою родную семью, т. е. мать, весьма рано скончавшуюся, и затѣмъ своего отца, отъ котораго онъ, при вступленіи въ жизнь, кромѣ благословенія, получилъ лишь 50 рублей, такъ какъ отецъ по бѣдности не могъ дать больше. И эти завѣтные 50 рублей Толубѣвъ, не смотря на свои молодые годы, имѣлъ силу воли беречь долгое время, какъ зеницу ока, вплоть до производства своего въ офицеры, когда на эту сумму онъ съ головы до ногъ и экипировался. Тяжелую, воловью работу вынесъ Толубѣвъ въ рядахъ кавалерійскаго полка, который въ разное время былъ то кирасирскимъ, то драгунскимъ, то, наконецъ, гусарскимъ, мѣняя свои названія, вмѣстѣ съ своею формою, крайне стѣснительною по массѣ мелкихъ принадлежностей и необходимости чистки всѣхъ этихъ приборовъ и уборовъ, для военнаго дѣла вовсе не нужныхъ. Мы застаемъ въ этомъ полку Н. И. Толубѣва то бравымъ ординарцемъ почти безсмѣнно у различныхъ шефовъ и ревизующихъ командировъ, то аудиторомъ, квартирмейстеромъ, а не то шефскимъ или полковымъ адъютантомъ, наконецъ, бригаднымъ адъютантомъ. Никита Ивановичъ былъ грамотнѣе своихъ товарищей-офицеровъ, писалъ красивѣе, а, главное, былъ расторопнѣе и исполнительнѣе другихъ, вотъ почему имъ чрезвычайно дорожили его непосредственные начальники; это не помѣшало, однако, Толубѣву однажды чуть не погибнуть по капризу одного изъ своихъ, не въ мѣру раздражительныхъ и самолюбивыхъ, полковыхъ шефовъ.

Весь разсказъ отличается замѣчательною, при передачѣ всѣхъ тяжелыхъ дней своей жизни, незлобивою до такой степени, что даже составитель записокъ не позволяетъ себѣ называть по

фамиліямъ главнѣйшихъ лицъ своего разсказа: онѣ спрятаны у него подъ буквами; но все, что хорошее встрѣчалось ему въ жизни, въ лицахъ-ли, въ событіяхъ-ли, Никита Ивановичъ отмѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. По нравственнымъ своимъ качествамъ составитель записокъ во многомъ напоминаетъ намъ Андрея Тимоѣевича Болотова, маіора Данилова и вообще тѣхъ русскихъ людей, которые, составляя плоть отъ плоти, кровь отъ крови русскаго народа, являются носителями всѣхъ его лучшихъ качествъ. Избыткомъ этихъ качествъ и объясняются тѣ чувства расположенія, а со стороны низшихъ и подчиненныхъ чувства беззавѣтной преданности, которыя привлекали къ себѣ лица, подобныя Никитѣ Ивановичу Толубѣву.

Изложеніе записокъ тяжеловато: въ нихъ надо вчитаться, чтобы найти тотъ ароматъ, ту прелесть старины, отдаленной отъ насъ почти на цѣлое столѣтіе, которая такъ пріятельна для каждаго, кто любитъ переноситься въ жизнь и бытъ нашихъ предковъ.

Записки Н. И. Толубѣва обрываются на 1809 году. Были ли онѣ продолжаемы—намъ неизвѣстно, равно и неизвѣстенъ годъ кончины почтеннаго автора, вполне русскаго человека, достойнаго представителя хорошаго военно-служилаго дворянскаго сословія добраго стараго времени. Записки Никиты Ивановича Толубѣва, какъ мы увѣрены, займутъ подлежащее мѣсто въ библіотекѣ каждаго, кто собираетъ сказанія русскихъ людей минувшаго времени.

Напечатали мы рукопись по точной копіи, сообщенной А. А. Титовымъ, раздѣливъ ее лишь, для удобства чтенія, на главы.

Михаилъ Семевскій,

Ред.-изд. „Русской Старины“.

СОДЕРЖАНІЕ.

[1780—1809].

Стран.

Глава I. Предувѣдомленіе. — Мѣсто рожденія. — Гора Кудояра. — Утрата документовъ. — Занятія отца. — Мать. — Лечение крестьянъ. — Ученье. — Надзоръ дяди. — Катанье на конькахъ. — Шалости. — Учитель танцевъ. — Праздникъ Троицы. — Ярмарка. — Гулянье. — Катанье на лодкахъ. — Народныя пѣсни — Разсказы. — Святочные игры. — Масляница. — Великій постъ. — Пасха. — Повѣсти Антипа. — Игра танки. — Завиванье вѣнковъ — Качели. — Сѣнокосъ. — Жатва. — Барщина	1— 33
--	-------

Глава II. Женитьба брата и замужество сестры. — Неправильный раздѣлъ имѣнія. — Смерть брата и матери. — Оригинальный костюмъ повѣтчика. — Служба въ казенной палатѣ. — Исполненіе рѣшенія суда. — Болѣзнь отца. — Великодушіе дяди. — Опре- дѣленіе въ военную службу. — Солдатское житье. — Мой мен- торъ. — Верховая ѣзда. — Служебныя усѣхи. — Перемѣна пол- ка. — Свиданіе съ отцемъ. — Брянскіе лѣса. — Витебскъ. — По- лонецъ. — Замки. — Мыза гр. Палена. — Кончина Павла I-го. — Море. — Якобштадтъ. — Судъ надъ медвѣдемъ и казнь его. — Сватовство. — Походъ въ Лубны	30— 59
---	--------

Глава III. Жизнь въ Лубнахъ. — Служебныя занятія. — Ученье въ походѣ. — Новгородъ-Сѣверскъ. — Командировка въ Петер- бургъ. — Спускъ кораблей Рафаила и Уриила. — Представленіе въ государю. — Преображенецъ Мельниковъ. — Отѣздъ изъ Петербурга. — Дорога. — Первый офицерскій чинъ. — Саранча. — Суевѣрныя примѣты. — Стряпческое пакостничество. — Новый шефъ. — Стрѣльба въ цѣль. — Добрый совѣтъ князя Волкон- скаго. — Директоръ Холинскій. — Старый панъ Судіенко. — Усадьба Очкино. — Капитанъ-стихотворецъ. — Кіевъ. — Мѣ- стечко Бѣлая церковь. — Графиня Браницкая. — Польскій медъ. — Панъ Твардовскій. — Шутка 1-го апрѣля	59— 98
---	--------

Глава IV. Суевѣрная примѣта.—Непріятность шефу полка.—Пріемъ англійскаго посланника.—Случайная невзгода.—Горе отъ бѣдности.—Какъ составляются богатства.—Отвѣтъ оракула.—Вблизи Пултусской битвы.—Сраженіе.—Вивуаки у м. Остроленки.—Смерть товарища.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Благодарность побѣдителю.—Награда ему отъ прусскаго короля.—Болѣзнь.—Лѣченіе.—Неудачная перемѣна квартиры.—Благодѣтель Грицео.—Добрая хозяйка.—Выздоровленіе.—Походъ . 98—122

Глава V. Дѣло при Гутштадтѣ.—Отступленіе маршала Нея.—Страданія раненныхъ.—Неудавшійся отдыхъ.—Сраженіе подъ Гельсбергомъ.—Превосходство непріятельской артиллеріи.—Храбрость С.-Петербургской милиціи.—Потеря лошади.—Атаки на батарею.—Рукопашный бой.—Сраженіе при Фридрихсбургѣ.—Подвиги Александрійскихъ гусаръ.—Опасный лѣсокъ.—Переправа черезъ р. Алле.—Отвѣтъ генерала.—Защелка орудій.—Удачный выстрѣлъ.—Городъ Вейлау.—Тильзитское свиданіе.—Ловкость башкировъ.—Смотръ государя Александра I-го.—Благодарность государя 128—142

Глава VI. Прибытіе въ Оршу.—Дѣла.—Походъ на Могилевъ.—Опять болѣзнь.—Лѣченіе музыкой.—Назначеніе въ квартирмейстеры.—Война съ Швеціей.—Лагерь въ Великихъ Лукахъ.—Въ гостяхъ у бригадира.—Любовь.—Бракъ.—Ревность.—Отставка.—Князь Грузинскій.—Свиданіе съ племянникомъ.—Негодяй кучеръ.—Несчастный случай на улицѣ.—Частный приставъ.—Откупщикъ.—Жалоба губернатору.—Послѣдствія ушиба 142—157

Примѣчаніе отъ издателя Записокъ Толубѣва 157—158

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБЪЕВА.

I.

Предувѣдомленіе. — Мѣсто рожденія. — Гора Кудояра. — Утрата документовъ. — Занятія отца. — Мать. — Леченіе крестьянъ. — Ученіе. — Надзоръ дяди. — Катанье на конькахъ. — Шалости. — Учитель танцевъ. — Праздникъ Троицы. — Ярмарка. — Гулянье. — Катанье на лодкахъ. — Народныя пѣсни. — Разказы. — Святочныя игры. — Масляница. — Великій постъ. — Пасха. — Повѣсти Антипа. — Игра танки. — Завиванье вѣнковъ. — Качели. — Сѣновозъ. — Жатва. — Барщина.

Между переменѣми жизни, которыхъ исчислить очень трудно, нѣкоторыя и меня, въ разные времена, постигали со всѣми ихъ свойствами. Возрастъ младенческій—и далѣе не могъ замѣтить никакихъ переменъ, сколь бы онѣ хороши или худы ни были, да и юношамъ не всякому въ удѣлъ дано дѣлать подробное разбирательство того, что неисповѣдимыми судьбами предопредѣлено. Такъ и я провелъ жизнь мою,—видя различныя переменны, ни мало не обращалъ на то вниманія,—хотя и теперь не знаю: что тому препятствовало. Итакъ, жизнь текла съ того времени, когда судьбѣ угодно было доставить мнѣ время обзрѣть и, по винѣ вложеннаго въ меня понятія, обсудить и сдѣлать посильныя заключенія. Сіе произвело то, что предсказали прежде жившіе мудрые люди, особенно—на землѣ. Всякъ человекъ ложь, и только удалась отъ земли онъ явится по дѣламъ его. А какъ послѣдній видъ переменны жизни моей былъ свойства такого, что изъ дѣятельнѣйшихъ занятій очутился я въ праздности, то приемлемыя въ замѣну перваго средства оставались безъ успѣшности. Разныя приемы по хозяйственной части весьма ограниченнаго

имѣнія не награждали всего времени дѣятельности, а изъ того родились по порядку скука со всѣми принадлежностями. Плотничество, столярничество и проч., какъ занятіямъ посильныя, казались недостаточны, а прекращеніе новой службы еще болѣе заставило искать занятія. Въ то время хотя и явился простой токарный станокъ, однако-же, и онъ мало сократилъ время праздности, а потому остающееся отъ занятій на ономъ время доставляло средства обзрѣть прошедшее — относящіяся собственно ко мнѣ событія и записать въ пособіе памяти, которая, будучи сбивчива, иногда мѣшаетъ части одного происшествія съ другимъ и ставитъ прежде бывшее послѣдующимъ. Предпріятіе сіе, по ограниченному моему разсужденію, признано начать описаніемъ жизни съ начала, т. е. когда я прибылъ погостить между живыми—между которыми и теперь еще гошущу, пока не вытащитъ общая проводница въ другое бытіе. Таковое разсужденіе прежде всего тупой мой мысленный взоръ обратило на тотъ предметъ, гдѣ я, по общему правилу, прежде обзрѣнія жизни, долженъ видѣть свое происхожденіе, которое и путь жизни состоитъ въ слѣдующемъ.

Мѣсто, на которомъ явился я въ число гостей безчисленнаго собранія, непрерывно перемѣняющихся, коимъ природа предлагаетъ различныя, по временамъ и качествамъ, угощенія и занятія, состоитъ отъ губернскаго города О..а, на сѣверъ, въ пятнадцати верстахъ. Рѣка Н.....дь, излучисто изгибаясь направо, образуетъ оное полуостровомъ, который, начавшись съ юго-запада возвышенною поляною, огражденною съ обѣихъ сторонъ по скатамъ къ рѣкѣ, молодыми рощами, почти непримѣтнымъ скатомъ снизился до того, что весною рѣка заливаетъ оный на немалое пространство. Мѣсто же, на которомъ были предковъ моихъ дома и теперь остались слѣды, есть прекрасный пригорокъ. Передъ домами лугъ, разрѣзанный рѣкою, составляетъ двѣ длинныя полосы. За оными продолговатая гора, на которой расположены крестьянскіе дома. На правой сторонѣ деревни, по скату той же горы до самого луга, роща; въ серединѣ деревни оврагъ, съ садами и репейниковыми цвѣтами, раздѣляетъ оную на двѣ половины; а на лѣвой—оврагъ же, съ прекрасными родниками и орѣховымъ вустарникомъ. Лѣвую сторону сего оврага образуетъ опирающаяся на дно рѣки утесомъ, гора, весьма похожая

на тѣ горы, на которыхъ, въ древности, строили земляныя крѣпости и первая она загнула направо рѣки, до сего мѣста почти прямо между господскими и крестьянскими домами, посреди луга текущую. Отъ сей горы начинается гора же, съ различными крутизнами и отложениями, съ востока, вмѣстѣ съ рѣкою обогнувшая часть полуострова. По всему обгибу сей горы и на поверхности оной, по ровняди, слишкомъ на двухъ квадратныхъ верстахъ, прекрасная заказная роща, которая лѣвымъ краемъ стоитъ противъ самыхъ господскихъ садовъ и представляетъ прекрасный видъ, особенно во время восхожденія солнца, котораго лучи, проникнувъ чашу деревъ и преломясь на рѣкѣ, отбрасываются прямо на сады и прочія хозяйственныя заведенія. Минувъ сады, рѣка погибаетъ налѣво. Правый берегъ ея составляетъ взгорокъ съ лѣсомъ, начинавшимся почти отъ садовъ, который, каменистою, утесистою серединою, прибѣгаетъ къ протоку, отдѣлившемуся отъ рѣки и омывающему небольшой островъ, произрастающій пенъку и капусту. Ниже сего, растущій на семъ взгоркѣ лѣсъ почти накрываетъ строенія, устроенной на соединившейся снова рѣкѣ, водяной мельницы и противъ всего того, на лѣвомъ берегу, луга; далѣе: съ лѣвой стороны съ лѣсомъ гора, а съ правой—луга. Вообще же, смотря отъ садовъ въ сію сторону по теченію рѣки, изогнувшейся въ различныхъ направленіяхъ въ лугахъ между рядами взгорковъ съ лѣсомъ, на довольное пространство между собою какъ будто раздвинутыми, представляется довольно пространная долина, чрезъ которую видны двѣ горы, по тамошнимъ преданіямъ замѣчательныя. Первая—по находимымъ на ней признакамъ древняго жилища, а другая—яко бы по обитанію на ней разбойника Кудояра. Сія послѣдняя гора покрыта, по всему крутому ея скату, лѣсомъ, отдѣляясь отъ первой небольшимъ оврагомъ, хребтомъ протягиваясь слишкомъ на версту, какъ будто на обзоръ представляется отъ садовъ въ ту сторону смотрящимъ. Прочія мѣсто рожденія моего окружающія части имѣнія, съ деревнями, лѣсами и лугами, составлявшими нѣкогда одно цѣлое, представляютъ пріятные виды, а всего замѣчательнѣе, что природа размѣстила по оному хорошую воду такъ, что на которомъ бы мѣстѣ сего имѣнія ни былъ, вездѣ можетъ найти воду не далѣе полуверсты. Рѣка изгибами своими приближается къ большей части мѣстъ, а прочія въ долинахъ имѣютъ родники съ хорошою водою.

Мѣсто сіе предку моему пожаловано; но за что и когда — покрыто неизвѣстностію. Изъ пожалованнаго вмѣстѣ съ симъ имѣніемъ ничего въ родѣ нашемъ не осталось, кромѣ иконы съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, на окладѣ коей вычеканено, славянскими литерами, что оная пожалована предку моему и имя его. Не знаю также и того, въ какомъ смыслѣ оная икона пожалована: такъ ли, какъ нынѣшніе ордена или какъ благословеніе? Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе потому, что изъ преданій извѣстно, что жалованный оною предокъ мой былъ изъ червесь, коего фамилія между князьями кавказскихъ горъ была извѣстна уже въ то время, когда братья мои служили на Кавказѣ, на Моздокской линіи, въ Ростовскомъ конно-карабинерномъ полку. Прочіе документы или истреблены пожарами, кои, какъ пересказываютъ, нерѣдко посѣщали жилища предковъ моихъ, или растасканы замужними ихъ дочерьми, предполагая оныя средствомъ имѣть вліяніе на права братьевъ, состоящихъ въ военной службѣ, отдалявшей ихъ отъ родителей и разстояніемъ, и временемъ. Таковыя дѣйствія огня и потомства въ женскомъ колѣнѣ произвели то, что когда повелѣвалось жалованною російскому дворянству грамотою записываться въ родословныя книги, родъ нашъ принужденъ былъ, о выдачѣ прямыхъ къ составленію родословной доказательствъ, кланяться потомкамъ отъ дочерей предковъ моихъ, кои племени своему неправильно доставили въ храненіе сколь имъ ненужныя, столь нашему роду при томъ обстоятельствѣ необходимыя доказательства. Почему дядя мой, какъ тогдашняго времени майоръ, считая низкимъ выпрашивать возврата, неправильно при удобныхъ случаяхъ заграбленныхъ, роду нашему принадлежностей, рѣшился, при ясныхъ и достаточныхъ современныхъ доказательствахъ, представить, хранившійся у отца моего предлинный, на подобіе холста, свертокъ на одной сторонѣ писанной бумаги, названной выписью, и потому внесенъ родъ нашъ въ шестую часть родословной книги.

На семь-то мѣстѣ предки мои жили. Каждый изъ нихъ сперва служилъ въ военной службѣ (въ придворной никто не служилъ), а въ штатской хотя и служили, но уже по отставкѣ изъ военной, изъ которой не всѣ возвращались на мѣсто рожденія, а потому и оставались у нихъ наслѣдницами дочери,

коихъ они, выдавая въ замужство, придавали за ними: сперва деревнями, а потомъ дворами; почему и та деревня, гдѣ они сами жили, раздѣлялась на многихъ разнофамильныхъ владѣльцевъ мелкими частями, такъ что, въ послѣдствіи, отцу моему досталась частица только съ пятнадцатью душами крестьянъ. Впрочемъ, они жили безъ недостатка; сіе, кажется, потому, что крестьяне, какъ оставшіеся во владѣніи рода нашего, такъ и выбывшіе въ разныя владѣнія, довольно зажиточны; такъ что, въ случившійся на моей памяти голодный годъ (кажется, тотъ самый, въ который взятъ Очаковъ), когда во всѣхъ окружныхъ селеніяхъ ѣли хлѣбъ съ прибавкою желудей, мякины и т. п., они ѣли чистый хлѣбъ и не уменьшали количества скота, каковаго у нѣкоторыхъ тогда было по десяти, двѣнадцати и восемнадцати однѣхъ лошадей; изъ нашихъ крестьянъ, въ двухъ дворахъ состоящихъ, одинъ имѣлъ тогда пятнадцать лошадей, а другой—восемь. Безнедостаточное предковъ моихъ пребываніе подтверждаютъ старинные крестьянокъ наряды, каковыхъ при нужной жизни имѣть нельзя, а всего вѣрнѣе доказывалъ прежнее житіе лучше настоящаго полутора столѣтній дяди моего крестьянинъ Антипъ.

Какъ текла жизнь моихъ родителей до того времени, съ котораго началъ я помнить, мнѣ неизвѣстно; также и то, какъ они выдали старшую сестру мою въ замужество и старшихъ трехъ братьевъ моихъ отправили въ русскій конно-карабинерный полкъ на службу, изъ коихъ первую я началъ знать уже съ дѣтьми ея, а изъ послѣднихъ одного, вышедшаго за ранами въ отставку; только на моей памяти жили они сообразно доходамъ маленькаго своего имѣнія и безъ долговъ. Отецъ мой обучалъ меня и дѣтей не дальнихъ нашихъ сосѣдей грамотѣ, частію занимался по имѣнію дяди моего, который покупкою возвратилъ отъ разнофамильцевъ нѣкоторыя части имѣнія нашихъ предковъ и оттого оно сдѣлалось въ нѣсколько разъ больше части отца моего, и по винокурнѣ его, а также и по вотчинѣ князя Бѣлосельскаго, который посему велъ съ нимъ переписку, но не такъ, какъ управитель, а потому и не пользовался отъ той вотчины, какъ управители или опекуны. Мать моя исполняла свои должности хозяйки и матери,—обучала сестеръ моихъ различнымъ рукодѣльямъ: шить, вышивать, различнымъ вязаньямъ

чулокъ, колпаковъ: изъ бѣли, бумаги и пряжи козьяго пуху; красить разное въ различные цвѣта и, сверхъ того, лечила различныя наружныя болѣзни, и нерѣдко удавалось ей вылѣчивать и болѣзни лихорадочныя, и тому подобныя. Рѣдкій день проходилъ, въ который бы не пришелъ къ ней кто нибудь съ чѣмъ либо порѣзаннымъ или порубленнымъ, обожженнымъ или обвареннымъ, съ ноготѣдою или другою какою ранюю или опухолью. Латинскій языкъ она не учила, а потому и съ аптекою у ней сношеній не было. Различныя травы и корни, въ разныя времена лѣта заготовленныя, служили средствами вылѣчиванія, также лукъ, масла постныя и скоромное, льняное сѣмя, сѣнная труха, кожа растерзаннаго орломъ зайца, различные пластыри, которые она составляла весьма скоро, и въ одинъ изъ нихъ входило растеніе: болиголовъ. Изъ ископаемаго только одинъ синій купоросъ употреблялся въ застарѣлыхъ ранахъ, составленный съ различными, смотря по болѣзни, веществами, а иногда и одинъ толченый на присыпку или кускомъ, какъ, напримѣръ, помазать на языкѣ прыщики, которые отъ него, съ истеченіемъ слюны, совершенно пропадаютъ. Мази составлялись изъ коровьяго масла, а болѣе изъ стараго ветчиннаго сала, которое болѣе всего употреблялось толченное съ полыньею; для уничтоженія жара въ глазахъ употреблялся яичный бѣлокъ, который, кускомъ квасцовъ будучи растираемъ, получалъ видъ творога и, завернутый въ ветошку, прикладывается былъ къ глазамъ. Въ другихъ глазныхъ болѣзняхъ дѣлались примочки, а въ согнаніи бѣльмовъ употреблялся синій купоросъ, не знаю въ какой пропорціи воды разводимый.

Никому изъ больныхъ отказу не было въ посильныхъ пособіяхъ и изъ нихъ нѣкоторые на нѣсколько времени оставались у насъ и размѣщались, вмѣсто больницъ, въ амбарѣ и проч. Такое занятіе хотя и отнимало у нея время отъ занятій хозяйственныхъ, иногда со всею маленькою прислугою, изъ которой: кто, разводя огонь, варилъ пластырь или грѣлъ припарку; кто обмывалъ застарѣлыя раны, которыя сама уже примазывала или прикладывала, или присыпала; кто надиралъ ветошки и перевязывалъ вмѣсто корявыхъ на больныхъ перевязокъ. Но за всѣмъ тѣмъ, никогда не было ни предварительныхъ, ни послѣдственныхъ за труды сдѣлокъ, каковыя впослѣдствіи сдѣлались мнѣ

извѣстны подѣ названіемъ визиты и какъ масштабъ расчетливой дѣятельности. И это, можетъ быть, потому, что сіи сами къ больнымъ ѣздить, а къ ней больныхъ привозили или сами они приходили. Почему все возмездіе состояло въ двухъ видахъ: первое, „спасибо, матушка, В. Б.“, и второе, что лекарственные запасы у ней не переводились. Вылеченные собирали оныя подобнымъ образомъ въ назначенныя времена и сносили къ ней, иногда съ прибавкою ягодъ, какія въ тѣ времена были въ зрѣлости.

Ученіе мое въ деревнѣ стало казаться по тогдашнему уже времени недостаточнымъ, а потому стали помышлять объ опредѣленіи меня въ учрежденное незадолго передъ тѣмъ въ губернскомъ городѣ народное училище, въ которомъ обучались уже двое изъ сыновей почтеннаго дяди моего, упомянутаго маіора. Сей незабвенный для меня благодѣтельный родственникъ взялъ меня къ себѣ въ домъ, изъ коего я по опредѣленіи ходилъ въ училище съ тѣми его сыновьями. Общественное учебное заведеніе и городская жизнь вывели меня нѣсколько изъ деревенской дикости, а надзоръ строгаго дяди удерживалъ отъ послѣдованія товарищамъ въ тѣхъ поступкахъ, которые только неопытному малолѣтству нравились. Но за всѣмъ тѣмъ и при всемъ моемъ стараніи не преступать приказанія дяди моего, въ одно время, идучи изъ училища и переходя по мосту чрезъ рѣку, на которой по гладкому льду—только снѣгомъ натрушенному, нѣкоторые ученики катались на конькахъ, дѣлая различныя вензеля,—я, соблазняясь любопытствомъ, остановился на мосту и, долго смотря, горѣлъ желаніемъ: умѣть такое искусство, съ каковымъ товарищи мои немного больше и старше меня, какъ на крыльяхъ, летали, на желѣзныхъ крючкахъ. Въ такомъ расположеніи достаточно было одного слова втораго брата моего двоюроднаго, чтобы сойти на ледъ; а какъ онъ былъ во всемъ по возрасту его хватиче, то, взявъ у кого-то коньки, началъ на нихъ прекрасно плавать—подавая примѣръ мнѣ за нимъ слѣдовать. Опасеніе употребить въ удовольствіе такое незнакомое орудіе, которое требуетъ постоянного навыка, заставило меня рѣшительно отказаться, но упрекъ, что ученику народнаго училища трусость неприлична, достаточно былъ отстранить весь страхъ, до того меня удерживавшій. Подвязали мнѣ коньки, рассказали правила ихъ употребленія,